

ЖОРЖ САНД

ЖАК

УСКОК

ФТМ

2022

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

перевод с французского Н. И. Немчиновой и Н. Я. Рыковой

Санд, Ж.

Жак. Ускок [Сборник]. / Жорж Санд. Перевод с франц. Н. И. Немчиновой, Н. Я. Рыковой — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 564 с.

ISBN 978-5-4467-3612-6

«Жак» и «Ускок» — два исторических романа великой французской писательницы Авроры Дюпен, всю жизнь скрывавшейся под псевдонимом Жорж Санд. В романе «Жак», как и в большинстве своих произведений, автор поднимает «женский вопрос», подвергая критике институт брака, основанный на порабощении женщины и узаконенном лицемерии. Главный герой романа, по сути, этический идеал Жорж Санд, стремящийся воплотить в жизнь принципы гуманизма, новое понимание любви, брака и дружбы, основанные на свободе и естественности человеческих отношений.

Роман «Ускок» по замыслу автора основывается на восточных поэмах Байрона — «Лара» и «Корсар». В прологе автор заявляет о своем намерении рассказать подлинную историю Корсара, более соответствующую исторической правде, чем поэтические выдумки Байрона.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-4467-3612-6

© Перевод. Н. И. Немчинова, наследники, 2022

© Перевод. Н. Я. Рыкова, наследники, 2022

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ЖАК

1

ТИПЛИ, БЛИЗ ТУРА...

Ты хочешь, дружок, чтобы я сказала тебе правду, и упрекаешь меня в том, что я скрытница, как мы говорили в монастыре. Совершенно необходимо, пишешь ты, чтобы я открыла тебе свое сердце и сказала, люблю ли я Жака. Так вот, душечка: да, я люблю его, и очень. Почему бы мне теперь не сознаться в этом? Завтра подписывается брачный контракт, а меньше чем через месяц мы поженимся. Прошу тебя, успокойся и не приходи в ужас от такой быстроты. Я надеюсь — нет, я уверена, — что в этом браке меня ждет счастье. Ты просто глупышка со всеми твоими страхами. Напрасно ты воображаешь, будто матушка приносит меня в жертву — из честолюбия, из желания выдать меня за богатого. Правда, она более, чем следует, чувствительна к такому преимуществу, меня же, напротив, при состоянии Жака и наших скромных средствах тяготила бы мысль, что я всем обязана мужу, — да, тяготила бы, не будь Жак благороднейшим в мире человеком. Насколько я знаю своего жениха, мне остается лишь радо-

ваться его богатству: ведь иначе матушка не простила бы Жаку его незнатное происхождение. Ты говоришь, что не любишь моей матери и что она всегда производила на тебя впечатление злой женщины. Право, нехорошо, что ты так говоришь о ней, — ведь я должна относиться к ней с уважением, должна ее почитать. Вижу, что тут я сама виновата, сама привела тебя к такому мнению, ибо нередко имела слабость посвящать тебя в свои мелкие горести и обиды, которые она мне, случалось, причиняла. Больше уж не заставляй меня раскаиваться в этом, дорогой дружок, не говори дурно о моей матери.

Разумеется, не это любопытно в твоём письме, а та своего рода подозрительность и прозорливость, благодаря которым ты угадываешь многое. Ты, например, заявляешь, что Жак, несомненно, стар, холоден, сух и весь пропах табаком. Предположения отчасти верные: мой жених уже не первой молодости, с виду он спокоен и серьезен, курит трубку. Видишь, как хорошо для меня, что Жак богатый человек, — иначе, наверное, матушка не потерпела бы ни трубки, ни табачного запаха.

Когда я увидела его в первый раз, он курил, а из-за этого мне всегда приятно видеть его с трубкой в руках и в той самой позе, в какой он был тогда. Мы встретились у Борелей. Я говорила тебе, что господин Борель был уланским полковником — во времена другого, как говорят здешние крестьяне. Жена Бореля никогда и ни в чем ему не противоречила и, хотя терпеть не могла трубки, скрывала свое отвращение, а потом постепенно привыкла и теперь без труда с ней мирится. Мне не надо будет вдохновляться этим примером, чтобы быть снисходительной к мужу. Я не питаю отвращения к запаху табака. Эжени Борель разрешает мужу и всем его приятелям курить и в саду, и в гостиной, и всюду, где им вздумается, и она правильно поступает. Женщины обладают удивительным талантом доставлять неудобства и стеснять мужчин, которые их любят, а все потому, что капризницы не желают сделать маленькое усилие над собой и приноровиться к мужниным вкусам и привычкам. Наоборот,

они заставляют мужей приносить множество мелких жертв, чувствительных, однако, в домашнем быту как булавочные уколы, и мало-помалу семейная жизнь становится невыносимой... О, представляю себе, как ты хохочешь и восхищаешься моими сентенциями и благими намерениями. Что поделаешь! Я готова одобрить все, что приятно Жаку, и если будущее оправдает твои насмешливые предсказания, если когда-нибудь мне придется разлюбить все, что мне нравится в нем сейчас, то я хоть познаю счастье в медовый месяц.

Образ жизни Борелей ужасно скандализирует местных ханжей. Эжени смеется над ними; ведь она счастлива, любима мужем, окружена преданными друзьями да еще и богата — обстоятельство, которому она обязана вниманием самых ярких легитимистов, время от времени ее навещающих. Даже моя матушка принесла свою гордость в жертву этому соображению, так же как она жертвует ею в своих отношениях с Жаком, и именно у госпожи Борель она учуяла и выследила богатого жениха для своей бесприданницы дочери.

Ну вот, опять я невольно принялась высмеивать маменьку. Право, какая же я еще школьница! Жаку придется заняться моим исправлением, а ведь Жак не из смешливых. Теперь же следовало бы тебе, противная, журить меня, а не насмешничать вместе со мной!..

Так вот, я тебе говорила, что первый раз увидела Жака у Борелей. Уже за две недели до этого у них только и было разговору, что вот скоро приедет капитан Жак, офицер, вышедший в отставку после того, как он получил в наследство миллион. Моя матушка широко раскрывала глаза и вся обращалась в слух, впивая магическое слово «миллион». У меня же это богатство вызвало бы сильное предубеждение против Жака, если б не удивительные рассказы Эжени и ее мужа — в них только и речи было, что о храбрости Жака, о великодушии Жака, о доброте Жака. Правда, ему приписывали и кое-какие странности. Но мне так и не удалось получить сколько-нибудь вразумительное объяснение этих странностей, и я напрасно ищу теперь, что же в его характере и манерах могло дать

повод к такому мнению. Этим летом мы пришли однажды вечером к Эжени Борель; мне думается, матушка учуяла, что в воздухе пахнет выгодной партией. Эжени с мужем вышли нам навстречу со стороны двора. Нас усадили в гостиной, в нижнем этаже, я села у окна, занавески которого были полураздвинуты.

— Ну как, приехал наконец ваш друг? — спросила через три минуты маменька.

— Приехал нынче утром, — с веселым видом ответила госпожа Борель.

— Ах, поздравляю и радуюсь за вас! — подхватила маменька. — Надеюсь, мы увидим его?

— Он убежал со своей трубкой, как только услышал, что у нас гости, — ответила Эжени. — Но он, конечно, вернется.

— А может быть, и не вернется, — заметил ее муж. — Он ведь дикарь, как обитатели берегов Ориноко (это, знаешь ли, одна из излюбленных шуток господина Бореля), а я не успел предупредить, что хочу представить его двум прекрасным дамам. Надо узнать, Эжени, не отправился ли он на дальнюю прогулку, и послать человека предупредить его.

Во время этого разговора я не сказала ни слова, хотя очень хорошо видела господина Жака в щелку между занавесками. Он сидел в десяти шагах от дома на ступеньках каменного крыльца, на которое Эжени с весны выставляет красивые вазы с цветами из своей теплицы. На первый взгляд мне показалось, что ему лет двадцать пять самое большее, хотя в действительности ему не меньше тридцати. Трудно себе представить более красивое, более благородное лицо с чертами более правильными, чем у Жака. Ростом он невелик и кажется хрупким, хотя уверяет, что у него крепкое здоровье; он всегда бледен, а черные как смоль волосы, которые он отпускает до плеч, еще подчеркивают его бледность и худобу. Я подметила, что улыбка у него печальная, взгляд унылый, лоб ясный, осанка горделивая; в общем, все выдает в нем душу гордую и чувствительную, издевавшую суровые испытания судьбы и вышедшую из них победительницей. Не говори, что я пишу высокопарно,

как в романах; право же, я уверена, если б тебе пришлось увидеть Жака, ты нашла бы все это в его облике, да, несомненно, и многое другое, чего я еще не уловила, так как он внушает мне крайнюю робость. Мне чудятся в его характере черты необычайные, и понадобится много времени для того, чтобы их распознать, а быть может, и понять. Я тебе буду рассказывать о них день за днем в надежде, что поможешь мне судить о них, — ведь ты и проницательнее и опытнее меня. А пока я опишу тебе некоторые его особенности.

Чувство резкого отвращения или романической симпатии возникает у него внезапно, с первого взгляда. Я знаю, что у всех так бывает, но никто не отдается своим впечатлениям с таким слепым упорством, как он. Если какое-то впечатление достаточно сильно, чтобы на основе его он мог с первого взгляда составить свое суждение, он уже заявляет, что никогда не изменит его. Боюсь, что он неправ, что это источник многих заблуждений, а может быть, иной раз и жестокости. Скажу тебе даже, чего я опасюсь, — как бы он не вынес такого поспешного суждения и о моей маменьке. Несомненно, он не любит ее, она не понравилась ему с первого же дня знакомства; он мне этого не говорил, но я сама заметила. Когда господин Борель извлек его из глубины размышлений и из облаков табачного дыма и привел в гостиную, чтобы представить нам, он подошел как-то нехотя и поклонился нам с ледяной холодностью. Маменька обычно держится высокомерно и холодно, но с ним была поразительно любезна.

— Позвольте пожать вам руку, — сказала она, — Я хорошо знала вашего отца да и вас самих, когда вы были еще ребенком.

— Знаю, сударыня, — сухо ответил Жак, не выказывая желания обменяться с маменькой рукопожатием. Думается, она это поняла, так как его нежелание было весьма заметно, но маменька очень осторожна и так искусно ведет себя, что никогда не попадает в ложное положение. Она сделала вид, будто приняла отвращение господина Жака за робость, и настойчиво сказала:

— Дайте же мне руку, я ваш старый друг.

— Я это прекрасно помню, сударыня, — ответил он еще более странным тоном и почти судорожно сжал ей руку. Словом, повел он себя так необычно, что супруги Борель удивленно переглянулись, а маменька, хоть ее и нелегко смутить, тяжело опустилась на стул и побледнела как смерть. Через минуту Жак опять ушел в сад, а маменька велела мне спеть романс, о котором она говорила Эжени. Впоследствии Жак сказал мне, что мой голос вызвал у него такую симпатию, что он возвратился в гостиную посмотреть на меня, — до тех пор он не видел меня в моем уголке. И с этого мгновения он полюбил меня — по крайней мере он так уверяет. Но я все говорю совсем не о том, что собиралась сказать.

Я ведь начала рассказывать о странностях Жака и об одной написала, теперь хочу написать о другой. Недавно он пришел к нам как раз в ту минуту, когда я выходила из дому, повязанная синим ситцевым передником, и несла в руках глиняную миску с супом; я нарочно вышла через заднюю калитку, не желая никому попадаться на глаза в таком убранстве. Но случаю угодно было, чтобы господин Жак по прихоти, столь свойственной ему, повернул свою породистую лошадь именно в этот переулок.

— Куда это вы направляетесь? — спросил он, спрыгнув на землю, и загородил мне дорогу.

Мне очень хотелось избежать встречи с ним, но это было невозможно.

— Дайте мне пройти, — сказала я, — и ступайте в дом, подождите меня. Я сейчас вернусь, только отнесу корм своим курам.

— А где же они находятся, ваши куры? Я хочу посмотреть, как вы их кормите.

Он забросил поводья на шею лошади, сказав ей: «Фингал, иди в конюшню!», и лошадь, которая понимает его слова, как будто знает человеческий язык, тотчас послушалась хозяина. А Жак взял у меня миску из рук, бесцеремонно снял крышку и увидел суп, очень аппетитный на вид.

— Черт возьми! — сказал господин Жак. — Так вы кормите своих кур супом? Полноте, я вижу, что вы идете навестить како-

го-нибудь бедняка. Не надо этого скрывать от меня — дело это самое обычное, и мне приятно видеть, что вы сами несете миску. Я пойду с вами, Фернанда, если позволите.

Я взяла его под руку, и мы направились к домику старухи Маргариты, о которой я часто тебе писала. Господин Жак всю дорогу нес суп, не боясь запачкать свои бледно-желтые замшевые перчатки, нес с таким непринужденным видом, как будто это было для него самое привычное в жизни дело.

— Другой на моем месте, — сказал он мне дорогой, — воспользовался бы удобным случаем и наговорил бы вам кучу изысканных комплиментов, восславил бы и в прозе и в стихах ваше милосердие, вашу чувствительную душу, вашу скромность, а я ничего вам этого не скажу, Фернанда, — меня несколько не удивляет, что вы на деле даете исход добрым своим чувствам. Было бы просто ужасно, не окажись у вас душевной мягкости и сострадательности, — ведь тогда вашу красоту и чистосердечный вид надо бы назвать мерзкой ложью самой природы. Увидев вас, я решил, что вы полны искренности и святой чистоты; и для того, чтобы убедиться, что я не ошибся, мне вовсе не нужно было встречать вас на дороге к хижине бедняков. Я не назову вас ангелом за то, что вы шли туда, но скажу, что вы не могли поступить иначе, потому что вы ангел.

Прости, что я так подробно пересказываю тебе наш разговор; ты, пожалуй, подумаешь, что я немного хвастаюсь ласковыми словами господина Жака. И в самом деле, милая Клеманс, так оно и есть: я очень горжусь его любовью; можешь смеяться надо мною, это ничего не изменит.

И не следует ли мне передать тебе нашу встречу во всех подробностях, раз ты хочешь знать всю историю моей любви и все черты характера моего жениха? Уж теперь-то тебе нельзя будет упрекнуть меня в краткости моих посланий. Итак, продолжаю.

Мы пришли к тетушке Маргарите. Она изумилась, увидев, что миску с супом ей принес красивый господин в бледно-

желтых перчатках. И вот началась обычная ее болтовня; говорливая старушка прямо при Жаке принялась расспрашивать, не муж ли он мне, и слать мне пожелания всяких благ, рассказывать о своих горестях, а главное, жаловаться, что пришел срок платить за квартиру, — ведь даром-то ее держать не будут — и при этом она смотрела на меня так жалобно, словно хотела сказать, что я должна была принести ей что-нибудь поважнее супа. А у меня денег нет: у маменьки их совсем мало, и она мне ничего не дает. Я запечалилась, как это часто бывает со мной, когда я сознаю, что не могу облегчить даже сотую долю тех горестей, которые вижу вокруг. Жак как будто и не слышал ни одного слова из сетований Маргариты. Он нашел на полке старую Библию, обглоданную мышами, и, казалось, внимательно ее читал, но вдруг, внимая жалобам Маргариты, я почувствовала, что в карман моего передника упало что-то тяжелое; я опустила в карман руку и нащупала там кошелек; я не выразила никакого удивления и спокойно дала старушке ту сумму, которая ей была нужна.

Все шло хорошо, у Жака вид был кроткий, спокойный, но вот, выходя, я совершила неловкость: тихонько сказала Маргарите, что деньги ей подарил Жак. Тогда она осыпала его бесконечными благодарностями и благословениями, чересчур многословными, как у всех бедняков, и немножко глуповатыми; но, думается мне, их следует принимать, поскольку для несчастных это единственное средство отплатить за оказанную им помощь. А знаешь, что сделал Жак? Сначала слушал, досадливо насупив брови, а потом оборвал благодарственные причитания старухи и сказал резким и нетерпеливым тоном: «Перестаньте! Довольно!». Бедняжка Маргарита умолкла, такая изумленная, униженная. Я немножко рассердилась на Жака и, когда мы отошли от домика, упрекнула его. Он улыбнулся, а вместо всяких оправданий взял меня за руку и сказал:

— Фернанда, вы доброе дитя, а я уже не молодой человек; вам по праву нравятся излияния благодарности, которую вы вызываете, — это невинное удовольствие, и я хотел бы, чтобы